

ИСТОРИЯ

УДК 930 (4) «15/18»

В. С. Антипов

КОНТРЕФОРМЫ И ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЁННОГО АБСОЛЮТИЗМА

В статье рассматривается проблема реформ и контрреформ эпохи просвещённого абсолютизма как двух взаимосвязанных частей одного из циклов длительного модернизационного процесса перехода от феодального общества к капиталистическому. Делается вывод, что переход к контрреформам был закономерным, являлся результатом действия совокупности объективных и субъективных причин, осуществлялся социальным и политическим блоком противников преобразований просвещённого абсолютизма.

Ключевые слова: просвещённый абсолютизм, реформы, контрреформы, модернизационный процесс.

COUNTER-REFORMS AND THE END OF ENLIGHTENED ABSOLUTISM POLICY

V. S. Antipov

The article considers the issue of reforms and counter-reforms of the enlightened absolutism period as the two interrelated parts of one of the cycles of the long modernization process of the transition from a feudal society to a capitalist one. The author concludes that the transition to counter-reforms was a natural process which appeared to be the result of the accumulation of objective and subjective reasons, and which was implemented by social and political bloc of the enlightened absolutism reforms antagonists.

Keywords: enlightened absolutism, reforms, counter-reforms, modernization process.

Понятие «контрреформы» можно определить как «система преобразований, преследующих цель полной или частичной ликвидации результатов предшествующих реформ». За рубежом термины «counter-reforme» и «contre reforme» используются только в связи с Контрреформацией XVI–XVII веков. В России о контрреформах говорят преимущественно в связи с царствованием Александра III. Термин обычно несёт негативный оттенок. Мы его употребляем безоценочно, рассматривая, вслед за В. И. Пантиным, как объективно обусловленный один из циклов (волн) исторического процесса модернизации [16, с. 192–213].

Специальная литература, где затрагиваются вопросы контрреформ просвещённого абсолютизма, невелика [4; 16; 17]. В то же время огромный фактический материал содержится в разделах зарубежных и отечественных исследований по истории политики просвещённого абсолютизма, освещающих её завершение [5; 8; 9; 10; 14; 24; 25; 27; 28; 29; 30; 31 и других].

Контрреформы в той или иной форме проводились во всех странах просвещённого абсолютизма. Их первая волна относится к семидесятым годам XVIII века.

В Дании они проходили в десятилетие после ареста и предания суду И. Ф. Струэнзе (1772 год). В Неаполитанском королевстве начинаются после отстранения Б. Тануччи от рычагов управления (1776 год), во Франции после отставки А. Р. Тюрго с поста генерального контролёра финансов (1776 год), в Португалии после свержения С. Помбала (1777 год). Вторая, наиболее концентрированная их волна пришлась на последнее десятилетие XVIII столетия, когда почти одновременно шли контрреформы в России, Австрии, Пруссии, Швеции, Испании, Великом герцогстве Тосканском, ряде небольших государств Германии и Италии (Баварии, Саксонии, Парме и других). В 1795 году ликвидация государственности Польши положила конец попыткам проведения реформ просвещённого абсолютизма в этой стране.

В Испании и России можно выделить два периода контрреформ, перемежавшихся попытками возобновления преобразований просвещённого абсолютизма. В Испании первый этап контрреформ пришёлся на годы правления Карла IV (1788–1808), второй связан с приходом к власти в 1814 году Фердинанда VII после попыток возобновить реформы Иосифом Бонапартом и кадикскими кортесами. В России контрреформы проходили в последние годы царствования Екатерины II и при Павле I. Ряд историков считает, что политика просвещённого абсолютизма проводилась только в первый период царствования. Следовательно, начало екатерининских контрреформ, «поворот в сторону усиления феодально-охранительных тенденций» надо датировать событиями крестьянской войны 1773–75 годов. Ибо позднейшие преобразования «содержали мало черт, присущих политике просвещённого абсолютизма» [2, с. 400.] А. Б. Каменский, наоборот, полагает, что на протяжении всех лет своего царствования Екатерина II проводила политику просвещённого абсолютизма. В то же время он пишет: «Конечно, при этом во внутренней политике Екатерины можно вычленить определённые этапы, различающиеся по преимущественной направленности на ту или иную сферу жизни общества, а так же по тактике их осуществления» [5, с. 331]. Затем в первое десятилетие XIX века Александр I, «негласный комитет» и М. М. Сперанский провели серию реформ, окончательно прервавшихся в конце царствования.

Контрреформы завершали эпоху просвещённого абсолютизма, следующий за ними цикл реформ в Западной и Центральной Европе уже относился к новой эпохе раннего индустриального общества, окончательной победы буржуазных отношений, проводился при решающем влиянии буржуазии, в буржуазных конституционных монархиях и республиках.

В разных странах контрреформы приобретали умеренный или радикальный характер. В первом случае речь шла о приостановке (стагнации) предшествующих реформ. Так происходило в России в последние годы жизни Екатерины II и при Павле, после Фридриха Великого в Пруссии, когда его сменил Фридрих Вильгельм III, в Швеции после гибели Густава III. Для второго варианта характерна немедленная отмена значительной части предыдущих реформ, воинствующее их отрицание. Такковы контрреформы в Испании, Дании, Португалии, Неаполитанском королевстве, Франции, Австрии.

Умеренность или радикализм контрреформ восходили к умеренности или радикализму проводившихся перед ними реформ просвещённого абсолютизма. Как правило, чем решительнее проводились предшествующие преобразования, тем значительнее был откат в ходе контрреформ.

Каковы причины феномена контрреформ?

Важнейшая причина крылась в природе (сущности) предшествующих реформ просвещённого абсолютизма. Проводились они в условиях преобладания феодаль-

ного уклада — главного тормоза преобразований. В Восточной Европе сохранялось крепостное право, в Западной — сеньориальные отношения. «Модернизация как объективная потребность общественного развития сталкивалась ... с непреодолимым препятствием — крепостным правом и связанными с ним социальными отношениями и структурами» [12, с. 99]. Эти слова, сказанные А. Н. Медушевским о России, могут быть безоговорочно отнесены к Дании и Пруссии, восточным регионам Австрии.

Преобразования «сверху», проводимые просвещёнными абсолютистскими режимами субъективно преследовали цель укрепления и консервации государственной надстройки, служили средством приспособления к новым историческим условиям, набирающим силу капиталистическим отношениям. Они не могли быть до конца последовательными, ибо доведение их до логического конца означало бы отказ монарха и его окружения от власти, а значит и ликвидацию абсолютизма как политической системы.

Потенциальная социальная база реформ просвещённого абсолютизма была узка, общественные слои, её составлявшие преследовали различные цели. Буржуазия видела в начинавшихся реформах возможность ликвидации всякого рода феодальных ограничений, мешавших свободе торговли и предпринимательства. Народная масса, наоборот, надеялась в первую очередь на разрешение её нужд, облегчение материального положения. Буржуазия была слаба, социальные низы инертны, пассивны, а часто и враждебны реформам. Как следствие в таких условиях могла возникать ситуация «одинокого реформатора», не так уж редко встречающаяся при изучении просвещённого абсолютизма. Примерами могут служить Тюрго, Тануччи, Сперанский, опиравшиеся только на поддержку монарха, окружённые кольцом ненависти их противников, легко устранимые при изменении политической конъюнктуры. К одиноким реформаторам может быть отнесён и Иосиф II, потерпевший поражение в борьбе с многочисленными антагонистами. П. П. Митрофанов, комментируя письма императора последних месяцев жизни, называет их «жалостным воплем человека, загнанного неумолимой судьбой и потерявшего надежду на спасение» [14, с. 781].

Узкая социальная база, в свою очередь, предопределяла проведение реформ патерналистскими методами, заведомый отказ реформаторов от попыток опереться на массовую поддержку населения. При осуществлении реформ, объективно направленных на приспособление к развивающимся капиталистическим отношениям, использовались силы и средства, порождённые государственной надстройкой феодализма. «В практической деятельности «просвещённых государей» превалировали «феодально-деспотические черты» [20, с. 111]. Отсюда бросающаяся в глаза противоречивость последствий политики просвещённого абсолютизма.

Просвещённые реформаторы в годы преобразований крайне мало сделали для расширения своей социальной базы. В ходе реформ их продолжали поддерживать буржуазия, для которой открывались возможности более свободного развития, дворянская интеллигенция и часть бюрократии. Иначе обстояло дело с социальными низами, крестьянством и городским плебсом. Их положение менялось в ходе проведения реформ крайне медленно. Осторожные шаги по ограничению барщины в Австрии, Пруссии не доводились до конца в результате отчаянного сопротивления землевладельцев. В Испании, Португалии, Неаполитанском королевстве, Польше крестьянские реформы вообще не проводились. В екатерининской России положение крестьян даже ухудшилось. Только в Великом герцогстве Тосканском, Бадене,

Швеции и Дании были проведены реальные, хотя и ограниченные реформы, облегчавшие положение крестьян.

Развёртывавшиеся реформы просвещённого абсолютизма открывали дорогу выходу на поверхность социальной и политической жизни многочисленным противоречиям, многие столетия накапливавшимся в недрах феодального общества, выражавшимся в социальных конфликтах. Придать разрешению их управляемый характер оказалось для просвещённых реформаторов чрезвычайно сложным делом.

В ходе реформ просвещённого абсолютизма формировался социальный и политический блок сторонников контрреформ, располагавший значительными экономическими и политическими ресурсами. В него входили, прежде всего, недальновидные, корыстные, узкоэгоистические части «старых» властных элит: аристократии, консервативного дворянства, духовенства, бюрократии. Они сопротивлялись даже тем преобразованиям, осуществление которых должно было, по замыслу просвещённых реформаторов, привести к спасению этих элит в целом, предупредить уничтожение их в результате социального взрыва.

При проведении реформ возникал клубок новых противоречий, возрастала нестабильность общества, накапливалась усталость народных масс. Одни подданные были недовольны разрушением традиционного миропорядка, привычных норм жизни, усилением налогового бремени, утратой сословных прав. Ибо «всякая реформа всегда разрушает сложившийся порядок вещей, противоречит интересам тех, кому выгоден старый порядок, как правило, правящей элиты (или, по крайней мере, её части), поскольку её положение обеспечивается именно этим порядком» [5, с. 53]. Другая часть общества, наоборот, выражала недовольство слишком медленным проведением реформ, их половинчатостью и непоследовательностью. Кризисные явления, вызванные старыми и новыми противоречиями, создавали благоприятные условия для перехода к контрреформам. Запас прочности политики реформ исчерпывался, возможности лавирования просвещённых монархов ограничивались. Они или уходили с политической сцены, или заключали союз с частью дворянства и другими противниками преобразований. Так произошло, например, в России. Дарование Жалованной грамоты дворянству свидетельствовало, что «монархия и дворянство впервые объединились в консервативный альянс, который к тому же был направлен против интересов остальной части нации» [21, с. 9]. Это позволяло консервативным социальным силам сравнительно легко проводить контрреформы. Характерно, что ни в одной стране контрреформаторы не встретили активного массового сопротивления.

Многие наиболее радикально проводимые реформы просвещённого абсолютизма опережали уровень готовности общества к проходившим изменениям. Так было при реформах Струэнзе в Дании и Помбала в Португалии. Это же касается и реформ Иосифа II в Австрии, о которых А. С. Медяков справедливо пишет: «многие (реформы — В. А.) действительно опередили своё время и оказались востребованными спустя полвека» [13, с. 259]. Эта оценка может быть отнесена и к его радикальным действиям по освобождению крестьян, по централизации многонационального государства. Чем более реформы опережали своё время, тем значительнее был откат в ходе контрреформ. Здесь можно провести аналогию с Великой французской революцией, когда вслед за её высшим подъёмом во время якобинской диктатуры последовал откат в годы термидорианского конвента и Директории. М. А. Лифшиц пи-

сал, характеризуя подобные процессы об «иронии истории над слишком передовыми претензиями воли, отрывающейся от широкого массового основания» [11, с. 310].

Способствовали переходу к контрреформам и ошибки деятелей просвещённого абсолютизма. Многие из них были predeterminedены низким уровнем прогнозирования хода и последствий реформ. В условиях абсолютизма неэффективно работали балансы и противовесы при принятии и осуществлении решений. Среди просветителей и реформаторов господствовала убеждённость в безусловной силе «монаршего повеления». Переоценивалась мощь абсолютистского государства, способного заставить подданных выполнять любой закон. Доктрина просвещённого абсолютизма просветителей и физиократов давала только общие рекомендации по её претворению в жизнь. Результатом становились волонтаризм и эмпиризм при проведении реальной политики, осуществление реформ методом «проб и ошибок». Слишком многое определялось субъективными особенностями личностей просвещённых реформаторов. Одновременно с осторожными Марией Терезией, Фридрихом II, Екатериной II действовали И. Ф. Струэнзе и Иосиф II, часто принимавшие недостаточно взвешенные и сбалансированные решения. Об этом хорошо, много лет спустя, сказал С. М. Соловьёв: «Преобразования производятся успешно Петрами Великими. Но беда если за них принимаются Людовики XVI-ые и Александры II-ые. Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен. Но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют. И потому экипажу предстоит гибель» [22, с. 346]. Ошибки реформаторов компрометировали саму идею преобразований, работали на руку их противникам, отталкивали сторонников.

Приведём примеры некоторых из этих ошибок. В Дании Струэнзе за короткое время своего правления издал многие сотни поспешных и плохо продуманных распоряжений. Печатались к тому же они на немецком языке, которым подавляющее большинство его подданных не владело. Преобразования Иосифа II, писал Кареев: «были плохо обдуманы, не соединены в ясную и прочную систему, проводились в исполнение в форме частных мероприятий, которые могли находиться в противоречии между собой, в несоответствии с практическими условиями» [8, с. 358]. П. П. Митрофанов так же считал, что «известное значение в неудачах реформ Иосифа II имели его личные свойства» [14, с. 754]. В. Н. Перцев полагал, что особенно негативные последствия из них имели «догматическое отношение к идее о государстве, фанатическое преследование идеи «общего блага», которое он понимал «доктринально и предвзято», к осуществлению которого шёл прямолинейно и с излишней торопливостью, не обращая внимания на прочно укоренившиеся в обществе идеи, неспособность действовать иначе как средствами крайнего деспотизма» [18, с. 26].

Особенно тяжёлые последствия имели ошибки в национальной политике Иосифа II. Австрийский монарх, взойдя на престол, решительно отказался от предыдущего осторожного и взвешенного курса Марии Терезии по отношению Венгрии и Австрийских Нидерландов. Назовём некоторые из них: отказ от коронования венгерским королём, попытки поспешной принудительной централизации, перекраивания внутренних административных границ, введения обязательного использования немецкого языка в государственных учреждениях. Оскорблённое национальное чувство, стремление сохранить свой язык (а значит, культуру и историю), избежать германизации, сохранить привилегии, приобретённые предками, закреплённые тра-

дициями и законами, стали важнейшими причинами вооружённого восстания в Брабанте, подвели венгерские элиты к порогу мятежа.

Положение усугубили ошибки во внешней политике. На главную из них указывал Кареев: «Грандиозная внутренняя реформа требовала внешнего мира, а Иосиф II и в международной политике носился с широкими планами» [8, с. 359]. Тяжелейший удар по проектам масштабных реформ монарха нанёс неудачный для Австрии исход войны 1788–1791 годов с Османской империей.

На переход к контрреформам значительное воздействие оказывали внешнеполитические факторы. Преобразованиям в Швеции и Польше мешали соседние великие державы, заинтересованные в сохранении их децентрализации, слабости монархической власти. Попытка начала реформ в первые годы правления Станислава Понятовского, была остановлена прямым вмешательством России. На территорию Речи Посполитой была введена тридцатитысячная русская армия, поддержавшая оппозиционно настроенную часть магнатов и шляхты. В результате королю пришлось отказаться от большинства намечаемых планов. А вскоре последовал и первый раздел Польши, осуществлённый тремя «чёрными орлами» — Пруссией, Австрией и Россией. Политика прямого вмешательства в дела слабевшей страны, препятствия новым попыткам реформ продолжалась и в последующие годы, вплоть до третьего раздела и окончательной ликвидации польской государственности.

Важнейшей причиной перехода к контрреформам в странах просвещённого абсолютизма стала Великая французская революция. Грозные события во Франции показали просвещённым монархам и их окружению, что последовательное проведение реформ и реализация идей Просвещения могут поставить под вопрос сам принцип абсолютизма. Решительно изменилось отношение к идеологам реформ — просветителям. В их идеях теперь видели одну из предпосылок революции. Труды Монтескье и Вольтера рассматривались под новым углом, ранее пропагандируемые, они теперь подвергались запрещению. Стремительная радикализация революции делала всё более реальной угрозу её экспорта в соседние страны просвещённого абсолютизма. Чем ближе находилось государство к границам Франции, тем сильнее был стимул для его верхов начинать контрреформы. Это в первую очередь касалось Испании, Сардинии, западных немецких княжеств, Австрии, чьи владения в Бельгии граничили с французскими. Для этих стран возникала совершенно реальная угроза потери территорий, свержения правящих династий и даже утраты государственности. В Австрии, Пруссии и России на вершинах власти среди недавних реформаторов увеличилось число сторонников экспорта контрреволюции, создания антифранцузской коалиции.

Под влиянием революции менялось отношение к реформам просвещённого абсолютизма значительной части буржуазии и интеллигенции, с большими надеждами, а часто и восторженно встретивших французские события 1789 года. Первоначально наиболее активная часть этих социальных слоёв увидела в революции более эффективную и, самое важное, быстрее осуществляемую альтернативу постепенным реформам абсолютных монархов. Возникали замыслы начала революционных преобразований в своих странах, пусть даже при содействии штыков французских солдат. Через несколько лет скатывание революции к терроризму оттолкнуло от идей Просвещения часть интеллигенции. Карамзин писал: «Ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний о гражданской вольности и свободе» [7, с. 44].

Начавшаяся в апреле 1992 года война Франции с первой монархической коалицией резко убила возможность финансирования реформ. По причине бурного роста военных расходов резко суживалась возможность финансирования реформ. Где уж тут было думать об изыскании немалых средств на проведение внутренних преобразований, когда государства просвещённого абсолютизма одно за другим заключали субсидиарные договоры с Англией для финансирования военных мероприятий. Разворачивающийся общеевропейский конфликт усилил зависимость малых стран, ранее проводивших реформы, от великих государств, превращая их в разменную монету при заключении договоров в перерывах между военными действиями.

На определённой стадии политики просвещённого абсолютизма под воздействием совокупности внутренних и внешних причин наступал её кризис, вырождение курса реформ. И. А. Федосов на примере России показал характерные черты такого кризиса. «В условиях начавшейся революции, когда она была ещё на подъёме, русское самодержавие потеряло инициативу во внутренней политике, сократились его возможности для социальной демагогии, возникла угроза нарушения той расстановки социальных сил, на основе которой и могла сложиться политика просвещённого абсолютизма. Ничего творческого в политике Екатерины II в 90-х годах уже не было» [23, с. 52]. Начался переходный период к контрреформам. Социальная база реформ быстро сокращалась. На всех уровнях общества распространялись недовольство результатами реформ, неверие в их положительный исход. Росло раздражение по поводу нестабильности и неуверенности в будущем, создаваемое непрерывными незавершёнными реформами. Множились надежды на установление сильной власти, способной разрешить авторитарным путём нарастающие внутренние противоречия. Появлялись и приобретали популярность идеологи контрреформ: О. Гульдберг в Дании, И. Х. Вёльнер в Пруссии. Некоторые просветители переходили на их сторону. Показательна в этом отношении судьба австрийского политического деятеля и публициста Ф. Генца. В молодости поклонник Руссо, пропагандист идей радикальных авторов французского Просвещения с течением времени превратился в воинствующего сторонника контрреформ, позднее стал ближайшим сотрудником К. Меттерниха.

Активизировалась критика просветителей, их обвиняли в разрушении традиций и религии, оторванности от жизни, безответственных обещаниях, основанных на чисто логических построениях. Идеологи контрреформ сосредотачивали внимание на ошибках и неудачах реформаторов, постоянно напоминали о необходимости стабильности и порядка в обществе. Их критика была близка к взглядам авторов рождающегося консервативного направления раннего романтизма (Э. Бёрку, Ж. де Местру, Л. де Бональду). И те и другие отрицали возможность преобразования общества на основе «разумных законов» — идею, лежавшую в основе доктрины просвещённого абсолютизма. Отвергалась концепция «законной монархии» Ш. Л. Монтескьё. Провозглашалась необходимость возвращения к ценностям религии, неограниченной абсолютной монархии, упорядоченного сословного общества.

Иногда сторонниками начала контрреформ использовались некоторые идеи просветителей, но в совершенно иных целях, чем это намечали создатели доктрины просвещённого абсолютизма. Например, просвещённые монархи, продолжавшие реформы, обвинялись в нарушении общественного договора с «народом», желавшим их прекращения [28, с. 153].

В условиях абсолютизма непосредственное начало контрреформ не могло не быть связано с личностью монарха, возглавлявшего верхушечный переворот. Боль-

шей частью это был новый суверен — консерватор (в Португалии Мария I, в Испании Карл IV, в Пруссии Фридрих Вильгельм II, в Неаполитанском королевстве Фердинанд IV, в России Павел I, в Австрии Франц I). Бросаются в глаза некоторые общие характеристики этих людей. Многие из них в годы реформ просвещённого абсолютизма, будучи наследниками, держались в тени, не принимая активного участия в политической жизни. Если среди просвещённых монархов — реформаторов было много выдающихся личностей, то, наоборот, среди суверенов — консерваторов и реакционеров мы видим без исключения лиц второго плана, лишённых стратегического мышления, не обладавших широким кругозором, часто зависимых от фаворитов, жён и любовниц. Вторую группу составляли просвещённые монархи, переходившие на сторону контрреформаторов, менявшие предыдущую политическую линию: Екатерина II и Александр I в России, Леопольд II в Австрии. В этот же ряд может быть поставлен и Людовик XVI во Франции, в критической ситуации вставший на сторону противников Тюрго.

Особенности личности монарха при переходе к контрреформам играли далеко не главную (и тем более не решающую) роль. Определяющими выступали глубинные тенденции общественного развития, совокупность объективных внешних и внутренних причин. Тот, кто пытался им противостоять, так или иначе, устранялся историей (Иосиф II, Струэнзе). Можно выделить два типа начала контрреформ в различных странах. Во-первых, обвальные, немедленно начинающиеся и проводимые быстрыми темпами (в Дании после Струэнзе, в Португалии после Помбала). Во-вторых, ползучие, постепенные, осторожные, осуществляемые шаг за шагом, растягивавшиеся на несколько лет (в последние годы Екатерины II, в Испании после прихода к власти Карла IV, в Пруссии при Фридрихе Вильгельме II).

Вслед за изменениями на вершине власти начиналась реорганизация государственного аппарата. Из него неуклонно изгонялись активные сторонники прежнего режима, а затем постепенно и чиновники умеренных консервативных взглядов. Некоторые уходили сами (В. А. Кауниц в Австрии, К. Цедлиц в Пруссии, П. Аранда в Испании), другие предавались суду (Помбал в Португалии, Струэнзе в Дании, Г. М. Ховельянос в Испании). Часть бывших реформаторов переходила на сторону новых властей (Х. М. Флорида Бланка в Испании, некоторые соратники Тюрго во Франции, ближайший сотрудник Сперанского А. Л. Магницкий в России). У власти оказывались министры — реакционеры (А. А. Аракчеев и А. Н. Голицын в России, М. Годой в Испании, Д. Актон в Неаполитанском королевстве).

Так же как и их предшественники контрреформаторы, руководствовались по отношению к населению принципом патернализма, требуя от него беспрекословного повиновения указаниям, идущим сверху.

Успешному проведению подобной политики способствовала и достаточно широкая социальная база контрреформ, сложившаяся в годы предшествующего кризиса политики просвещённого абсолютизма. Значительная часть подданных встречала с надеждой начинавшиеся изменения, по крайней мере, воспринимала их как неизбежную данность. Этому способствовали часто и первые действия контрреформаторов, отменявших самые непопулярные меры предшествующего правления. Фридрих Вильгельм II, вступив на престол, упразднил особенно ненавистные народу монополии на кофе и табак, отправил в отставку французских специалистов по сбору налогов, приглашённых Фридрихом II. Ни в одной стране не было даже попыток массового противостояния контрреформаторам. Отсутствовали и призывы к открытому сопротивлению со стороны теоретиков и практиков завершающихся реформ просвещённого абсолютизма. Современник контрреформ Фридриха Вильгельма II И. Кант

в «Метафизике нравов» (1797 год) писал: «Обязанность народа терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми... Изменения в имеющем изъяны государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путём реформы, а не народом путём революции» [6, с. 353].

Контрреформы, так или иначе, затрагивали все сферы жизни общества, хотя и в разной степени. Пересматривалось законодательство просвещённого абсолютизма. В деревне устранялся государственный контроль над размерами барщины и крестьянских повинностей. Фридрих Вильгельм II запретил жалобы крестьян на владельцев [27, с. 254]. Самыми устойчивыми из результатов реформ просвещённого абсолютизма оказывались экономические преобразования, связанные с развитием товарно-денежных (капиталистических) отношений.

Наиболее уязвимой становилась идеологическая сфера. Как писал Ч. Беккариа: «Подлинный тиран начинает всегда с того, что порабощает общественное мнение» [1, с. 104]. Действительно, формирование идеологического единообразия являлось одной из первых целей контрреформаторов. Усиливалась цензура. В России в последние годы Екатерины ужесточился контроль над издательской деятельностью, оппозиционные авторы (А. Н. Радищев, Я. Б. Княжнин) подвергались гонениям. После вступления на престол Павла I были закрыты частные типографии, запрещён ввоз иностранных книг, прекращена учёба русских студентов в зарубежных университетах.

В религиозных отношениях властями поддерживался процесс клерикализации общества. Поскольку создать новую идеологию, альтернативную идеям Просвещения, контрреформаторы не могли, ими использовались традиционные религиозные ценности, подвергавшиеся критике в годы церковных реформ просвещённого абсолютизма. Снимались запреты с деятельности ордена иезуитов. В Пруссии увольнялись либеральные пасторы. Свобода отправления культов ограничивалась. Религиозный эдикт 9 июля 1788 года радикально пересматривал политику веротерпимости, проводимую Фридрихом II, сформулированную им в афоризме «у меня каждый спасается на свой манер». В новом эдикте провозглашалась цель защиты христианства от идей Просвещения, пасторы могли теперь составлять проповеди только на основе официально утверждённых текстов. В 1791 году в Берлине была учреждена специальная «Духовная экзаменационная комиссия», призванная защищать протестантизм от искажений, нечто вроде аналога католической инквизиции. В России власти начали энергичное преследование масонов.

Деятели Просвещения отправлялись в ссылку (Н. И. Новиков и Радищев в России, Ховельянос в Испании). В католических странах, ранее проводивших политику просвещённого абсолютизма, образование всех уровней вновь ставилось под контроль клерикалов. В Австрии начальные школы были возвращены в ведение духовенства. В России в конце царствования Екатерины II и при Павле приостановилась разработка проектов по реформированию народного образования, возобновившаяся только в начале царствования Александра I. Проходили чистки университетов, из них удалялась профессура, разделявшая взгляды просветителей. Урезались возможности получения среднего и высшего образования для выходцев из буржуазии и социальных низов. Реакция распространялась и на сферу культуры. Независимо мыслящему интеллектуалу приходилось или приспособливаться к новым требованиям или покидать страну. И. Кант после специального королевского предписания,

вынужден был принять обязательство не касаться в своих лекциях и публикациях вопросов религии. Показательна судьба Ф. Гойи, сформировавшегося и расцветшего как художник в годы преобразований Карла III, вынужденного покинуть Испанию при Фердинанде VII.

В то же время некоторые ранее начатые мероприятия просвещённого абсолютизма контрреформаторы осуществляли как бы по инерции. В Пруссии был введён в действие юридический кодекс «Прусское земское уложение», подготовленный в основном ещё при Фридрихе II. В Австрии в 1790–1801 годах было разработано гражданское уложение. «В нём первом среди сводов прав государств, где монархии не претерпели потрясений революций, нашли выражение принципы действительно-го гражданского равенства и ликвидации сословного строя» [15, с. 255–256]. Продолжались отдельные экономические преобразования в Испании (так называемый, «просвещённый абсолютизм Годоя») и Португалии. В России при Павле I появились указы, облегчавшие положение староверов, было разрешено строительство старообрядческих и единоверческих храмов. Был издан манифест о трёхдневной барщине, печатались указы, регулировавшие торговлю крепостными (запрещавшие разделение семей и продажу без земли).

При контрреформах никогда полностью не уничтожалось всё достигнутое в период преобразований просвещённого абсолютизма. Полностью вернуться к прошлому не удавалось даже самым рьяным ненавистникам предшествующих реформ. Всегда какая-то часть изменений оставалась неотъемлемой частью жизни общества перешедшего в ходе предшествующих реформ на новый уровень модернизации. Это были преимущественно те реформы, к которым была готова бóльшая часть населения, необходимые для обеспечения развития капиталистических отношений, жизненно важные для обеспечения независимости и обороноспособности страны. В их число входили сохранение контроля государства над церковью, ограничение монополии цехов, ослабление таможенных барьеров, реформирование судопроизводства, реорганизация вооружённых сил. Приведём некоторые примеры. В Испании в ходе контрреформ Карла IV остались нетронутыми социально-экономические преобразования времени Карла III. В Австрии «произведённая перестройка государства в духе просвещённого абсолютизма сохраняла своё значение, пусть и с некоторыми ограничениями, до 1848 года [3, с. 209].

Контрреформы продолжались сравнительно недолгий исторический период. Достаточно быстро выяснялось, что охранительная политика способна добиться только ряда краткосрочных и ограниченных целей: поставить под контроль духовную жизнь, навести внешний порядок. Но она была не в силах успешно решать новые экономические проблемы. Контрреформаторы маскировали, но не разрешали возникавшие противоречия общественного развития, препятствуя преодолению застойных тенденций. Они в большинстве случаев оказались не способны защитить свои страны от наполеоновской экспансии. Австрия три раза принуждена была Наполеоном после поражений в войнах подписать унижительные мирные договора. Пруссия потеряла независимость, вынужденная заключить с Францией Тильзитский мир 1807 года. Испания, Португалия, Неаполитанское королевство, Сардиния, Тоскана были оккупированы.

Постепенно среди населения нарастало разочарование и недовольство действиями контрреформаторов. Власти, терявшие поддержку общества, всё более вынуж-

дены были использовать принудительные методы управления. В правящих элитах вновь усиливались сторонники возобновления реформ просвещённого абсолютизма.

Логическим результатом кризиса политики контрреформаторов становилось возвращение к продолжению преобразований. «Новый подъём начинался уже на ином рубеже, чем предыдущий» [26, с. 171]. Рождались постреформы — продолжение прерванных реорганизаций эпохи классического просвещённого абсолютизма. Таковы «великие реформы» в Дании, реформы Александра I раннего периода его царствования, Г. Штерна — К. Гарденберга в Пруссии, Кадисского парламента в Испании. Дания даёт нам пример того, как «неумолимые законы развивающегося капитализма» [10, с. 49.] буквально принуждают властные структуры, вновь начинать преобразования. Реформы Струензе 1770–1772 годов были насильственно остановлены контрреформаторами, почти полностью отменены. Однако в конце XVIII — начале XIX века возобновились реформы, радикальные и последовательные, в результате которых было постепенно отменено крепостное право. Проведение постреформ просвещённого абсолютизма происходило в годы постепенного перерастания абсолютистских режимов в буржуазные монархии. Постреформы сливались с начинавшимися буржуазными реформами.

Следующий виток контрреформ в теперь уже бывших странах просвещённого абсолютизма пришёлся на эпоху реакции после окончания наполеоновских войн, Венского конгресса и создания Священного союза. Австрия, Россия. Революции 1848–49 годов положили конец этой полосе контрреформ.

Подведём некоторые итоги.

1. Переход к контрреформам был закономерным, являлся результатом действия совокупности объективных и субъективных причин, осуществлялся социальным и политическим блоком противников преобразований просвещённого абсолютизма.

2. Реформы и контрреформы эпохи просвещённого абсолютизма суть две взаимосвязанные части одного из циклов длительной модернизации. «Реформы и контрреформы как бы дополняют друг друга, обеспечивая единство и преемственность модернизационного процесса» [16, с. 200].

3. При контрреформах часть направлений модернизации замораживалась или даже возвращалась к дореформенному состоянию. Останавливалась секуляризация, не решался крестьянский вопрос. Тем не менее, «контрреформы, задерживая и даже приостанавливая темп преобразований, оказывались бессильны повернуть процесс модернизации вспять» [19, с. 6].

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
2. Булыгин И. А. Государственный строй России в XVIII веке // История Европы. Т. IV. 1994. С. 395–400.
3. Воцелка К. История Австрии: культура, общество, политика. М., 2007.
4. Ильин В. В., Понарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса в России. М., 1996.
5. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века, опыт целостного анализа. М., 2001.
6. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в восьми томах. Т. 6. М., 1994. С. 224–567.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991.

8. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. III. «Восемнадцатый век» и Французская революция. СПб., 1893.
9. Кареев Н. И. Типологические курсы по истории государственного быта. Западноевропейские абсолютистские монархии XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908.
10. Коган М. А. Просвещённый абсолютизм в Дании: реформы Струензе. Л., 1972.
11. Лифшиц М. А. Ветер истории // Лифшиц М. А. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 1. М., 1984. С. 273–315.
12. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
13. Медяков А. С. Эпоха реформ 1740–1792 // История нового времени 1600–1799: учебное пособие для вузов. М., 2007. С. 256–260.
14. Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и её враги (1780–1790). СПб., 1907.
15. Омельченко О. А. История государства и права. В двух томах. 4-е изд. Т. 2. М., 2005.
16. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004.
17. Пантин В. И. Циклы реформ — контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. 2011. № 6. С. 22–32.
18. Перцев В. Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и её враги (1780–1790). СПб., 1907 // Русская мысль. 1908. № 2. С. 24–27.
19. Пожарская С. П., Намазова А. С. Введение. Модернизация Европы в XIX — начале XX века // История Европы. Т. V. М. 2000. С. 5–15.
20. Просвещённый абсолютизм // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 21. М., 1975. С. 110–111.
21. Регсдейл Х. Просвещённый абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. 2001. № 3. С. 3–25.
22. Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
23. Федосов И. А. Просвещённый абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.
24. Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776. М., 1979.
25. Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 6. СПб., 1862.
26. Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989.
27. Anderson M. S. L'Europe au XVIII siècle. Paris, 1968.
28. Bluche F. Le Despotisme éclairé. Paris. 1968.
29. Gerchoy L. L' Europe de princes éclairis. 1763–1789. Paris, 1966.
30. Meyer J. Le Despotisme éclairé. Paris, 1991.
31. Vaucher P. Le Despotisme éclairé. 1740–1789. Paris, 1954.